

Е.В. Потёмкина, И.В. Ружицкий (Москва, Россия)

Номо Increpans: бранная лексика в речи персонажей Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова. Статья первая

Аннотация: В статье рассматривается номенклатура бранной лексики в романах Н.С. Лескова «На ножах» и Ф.М. Достоевского «Бесы», являющейся одной из характерных особенностей авторского идиолекта. Выявляется соотносительность инвектив с типами персонажей данных произведений, делается предположение о строгом детерминизме их употребления. Отдельно говорится о функциях бранных слов в художественном тексте, таких как желание унизить и оскорбить собеседника. Выявлено, что в текстах анализируемых романов Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского существенно преобладает частота инвектив *дурак, подлец, мерзавец, негодяй, сволочь* и нек. др. Обращается также внимание на высокую частоту употребления слова *чёрт*. При этом отмечается, что в романе «На ножах» бранная лексика отличается большим разнообразием, как и используемые с инвективами определения. Изученный пласт материала позволяет сделать определенные выводы и выдвинуть гипотезу о связи, существующей между частотностью инвектив с типом языковой личности. Невозможность идентифицировать себя с каким-то классом или социальной группой, своеобразная социальная шизофрения влечет за собой брань, агрессивность и нервное, часто раздвоенное состояние, создает особый тип языковой личности – Номо Increpans («человек ругающийся»). Желание унизить кого-то и тем самым «возвыситься» самому, стремление к разрушению всего – именно такой тип личности и составлял основу нигилистов. Выдвигается гипотеза о том, что к Номо Increpans относятся и сами авторы, Ф.М. Достоевский и Н.С. Лесков: активное использование инвектив в разножанровых текстах, не только художественных, существенным образом характеризует их идиостиль.

Ключевые слова: идиолект, бранная лексика, инвектива, Достоевский, Лесков

E.V. Potemkina, I.V. Ruzhitskiy (Moscow, Russia)

Homo Increpans: Abusive Vocabulary of Personages in Fyodor Dostoevsky's and Nikolay Leskov's Works. The First Article

Abstract: The article examines the range of abusive vocabulary in Nikolay S. Leskov's novel "At Sword's Points" and Fyodor M. Dostoevsky's novel "Demons" as one of the characteristic features of the authors' idiolect. It reveals a correlation between exple-

tives and the types of characters in these works and suggests that their use is governed by a strict determinism. Separately the article discusses the function of abusive words in literary texts, such as the desire to humiliate and insult the interlocutor. It reveals that the two novels by Leskov and Dostoevsky are marked by the predominance of the expletives *fool, wretch, scoundrel, bastard, scum (durak, podlets, merzavets, negodyay, svolotch)* among others. Attention is also paid to the high frequency of the word *devil*. At the same time the article notes that expletives in the novel “At Sword’s Points” are remarkably diverse, as are the attributives used with them. The analyzed material enables certain conclusions to be drawn and allows to put forward a hypothesis about the relationship between the frequency of expletives and types of linguistic identity. The inability to identify oneself with any class or social group, a kind of social schizophrenia that leads to swearing, aggression and a nervous, often split personality, creates a special type of linguistic identity – Homo Increpans (“Swearing Man”). The desire to humiliate someone and thereby elevate oneself, together with the ambition to destroy everything, constitutes the very type of personality that served as the basis of the nihilists. The article hypothesizes that Nikolay S. Leskov and Fyodor M. Dostoevsky themselves belong to the Homo Increpans archetype as well: the active use of abusive words in texts of various genres, not just fiction, typifies their idiosyncrasy to a great extent.

Key words: idiolect, abusive vocabulary, invective, Dostoevsky, Leskov

Что такое философ? Слово философ у нас на Руси
есть слово бранное и означает: дурака.
Сила не нуждается в ругательствах.

Неизданный Достоевский

Исследование бранной лексики находится на периферии изучения языка художественной литературы, а сколько-нибудь значимых работ, посвященных функции инвектив, например в текстах Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова, вообще не существует. Между тем такие вопросы, как предпочтения автора в выборе тех или иных бранных слов, соотносимость с определенными группами персонажей, обусловленность ситуацией, в которой используется бранная лексика, первичная и вторичная функции инвектив, связь с этимологией и возможная реализация исходного, этимологического значения в художественном тексте, дифференциация инвектив и возможности их идеографической классификации и некоторые другие, представляются достаточно важными. Решение этих вопросов не только позволяет сделать предположения об особенностях языковой личности писателя, но и, в конечном счете, лучше понять авторские интенции в создании литературного произведения, а следовательно, и сам его текст.

Определенные идеи относительно связи между использованием лексики, выполняющей бранную функцию, с категорией «элитарной языковой личности», о строгой избирательности инвектив и мотивированной задаче создания конкретного художественного образа, а также о возможных функциях бранной лексики в текстах Ф.М. Достоевского были нами отражены в [Ружицкий, Потёмкина 2018]. Данная статья является развитием некоторых высказанных ранее положений, одновременно с этим такой популярный вопрос, как допустимость / недопустимость в литературном произведении разного рода инвектив, нами не рассматривается.

Прежде всего, обозначим объем используемых в статье основных понятий. В литературе, посвященной бранной лексике, мы находим следующую терминологическую парадигму: бранная (инвективная, ненормативная, нецензурная, обценная, сниженная лексика) и, соответственно, – обценизм, минкия и инвектива). При этом функцию терминов могут выполнять и такие слова, как «брань», «сквернословие (срамословие)», «ругательства (ругань)», «оскорбительные слова», «мат (матерщина)», «хула (хуление)», «поношение», «охаивание», «непарламентское (неприличное) выражение», «обзывательства», «загиб», «крепкое выражение (словцо)» и некоторые другие. Мы будем оперировать синонимичными терминами «бранная лексика (бранные слова и выражения)» и «инвективная лексика (инвективы)», т. е. слова и выражения, которые употребляются говорящим с целью оскорбить, унижить, опозорить и т. п. собеседника или какое-либо третье лицо. Таким образом, из поля нашего внимания выпадают случаи употребления говорящим инвектив по отношению к самому себе, что целесообразно рассматривать как отдельную функцию бранного слова; инвективы в междометной функции, для обозначения каких-л. негативных эмоций; обценная лексика (нецензурная брань, матерные слова и выражения), которая в силу существующих в XIX в. законов была строго запрещена. В изданных произведениях Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова обценной лексики просто нет, своеобразными ее эвфемизмами служит, например, весьма частотное использование слова *черт*, а также многочисленных устойчивых оборотов с этим словом – *к черту*; *черт знает что затевают эти черти*; *черт дерит их всех (черт бы их драл)*; *черт знает что может случиться в этом «новом поколении»* и *чёрт знает как это у них там совершается*; Э (Эх, Фу, Ну, А), *черт* и т. п. у Ф.М. Достоевского и не менее частотные, в основном *черт возьми* и *черт знает* – у Н.С. Лескова. Следует, однако, отметить, что в рассуждениях ученых относительно русской обценной лексики, например ее функций, есть некоторые довольно интересные мысли (В.И. Жельвис, И.А. Стернин, Б.А. Успенский, В.В. Химик и др.), на которые мы ориентировались при выявлении функций нетабуированных бранных слов.

Слова могут как приобретать бранное значение, так и утрачивать его. При таком подходе состав инвектив существенно расширяется: лексемы, образованные при помощи суффиксов субъективной оценки (*немчурка, полячок, поляченочек, мозглявенький, юнкеришка, мещанишка, крупёришка, кассирёнок, реалистик, гадостница, гнусники, пагубница, горшечная, свиньица, ублюдочка, франтишка* и т. п. – подробнее у Достоевского см. [Ружицкий, 2015: 246–247]); другие новообразования – контаминации и т. д. (*аблакат, облизьяна, недоподлец, покиватель, шлёпoxвостница, негодивец, страмовицица* и др.); слова, например названия животных (любого домашнего, кроме кошки, может употребляться как оскорбление), бытовая и другая лексика и т. д. в непрямом значении (*философ, каблук, кадушка, тряпка, деревяшка, колтак* и т. п.). Вопрос о том, какие группы лексических единиц обладают потенциалом становиться бранными, требует отдельного изучения. Очевидной, тем не менее, является функция, в которой эти слова используются, их основная интенция, т. е. желание оскорбить – конкретного человека или группу лиц, например, по национальному или социальному признаку или вследствие какого-либо совершенного этими лицами поступка.

Хотя у нас имеются определенные наблюдения над функционированием и типологией инвектив в текстах всех значимых сочинений Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова, в том числе в публицистике и личных письмах, в данной статье анализ упо-

требления бранных слов будет ограничен текстами двух романов – «Бесы» и «На ножах». Такой выбор далеко не случаен: оба произведения написаны примерно в одно время («На ножах» Н.С. Лескова немного раньше) и относятся к достаточно широко распространенному в 1860–1879-х гг. жанру антинигилистического романа: «Сравнить “Бесы” и “На ножах” тем более интересно, что писались и печатались они одновременно или почти одновременно. А еще тем более потому, что публиковались в одном и том же журнале, часто – в одних и тех же номерах» [Карякин: URL]; несомненны параллели – образов и др. (Горданов и Петр Верховенский, «свои» – «наши»), некоторых сюжетных линий, отношений между персонажами; наконец, оба романа примерно одинакового объема, что дает возможность провести более точный статистический анализ инвектив. Анализ бранной лексики в речи схожих персонажей поможет определить ее мотивированность определенным психотипом, выдвинуть предположение об осознанности отбора автором инвектив и их соотносительности с языковой личностью самого писателя.

В статье на материале двух романов будут даны ответы на следующие вопросы: (1) Как бранятся персонажи Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова? То есть выявлен состав, арсенал бранных слов с указанием частоты их употребления; (2) Кто из персонажей бранится чаще и какие инвективы при этом использует, а также на кого преимущественно направлена бранная лексика? (3) Какие функции выполняют инвективы?

(1) В тексте романа «Бесы», без учета главы «У Тихона», были обнаружены следующие слова, выполняющие бранную функцию (в скобках указана общая частота, отсутствие такой пометы означает единичное употребление):

дурак, дураки (45); подлец, подлецы, недоподлец (41); мерзавец, мерзавцы (22); негодяй, негодяи (22); сволочь (13); флибустьеры, флибустьеры (10); изверг (5); осёл, ослы (5); дряннь, (равнодушная, развратная) дряннь (4); баранья голова, бараньи головы (3); негодяйка (3); (дрянной, блудливый, изломанный; праздный, шатающийся) барчонок (2); тупица, (угрюмые) тупицы (2); болван; (поганая человечья) вошь; гадина; гнусные атеисты; дурында; жидёнок; жидок; (бестолковый) идол; колпак; кровопийца; (глупенький, прескверный) мальчишка, мальчишка и безбожник; (дрянные, дряннейшие) людишки; мерзавка; (гадкая, трусливая, жестокая, себялюбивая) мразь; сыч и купчишка; (надутая) тварь; тиранка; тряпка последней руки; (пьяная) харя; (самый дрянной, самый пустой) человечешко; черти.

В данный список не вошло слово *черт*, выполняющее, как уже было сказано выше, преимущественно эвфемистическую функцию, а также слово *жид*, пейоративный статус которого не однозначен. Так, в Словаре Вл. Даля под ред. Бодуэна де Куртенэ (в более поздних редакциях словарная статья «жид» вообще была исключена) выделяются следующие значения: «стар. народное название еврея || Презрит. название еврея || Скупойи, скряга, корыстныйи скупецъ» [Даль 1912]. Сам Ф.М. Достоевский в ответ на критику в антисемитизме писал следующее:

«Но некоторое суждение мое я все же могу иметь, и вот выходит, что суждением моим некоторые из евреев стали вдруг интересоваться. С некоторого времени я стал получать от них письма, и они серьезно и с горечью упрекают меня за то, что я на них “нападаю”, что я “ненавижу жида”, ненавижу не за пороки его, “не как эксплуататора”, а именно как племя, то есть вроде того, что: “Иуда, дескать, Христа продал”. <...> Так как в сердце моем этой ненависти не было никогда, и те из евреев, которые знакомы со мной и были в сношениях со мной, это знают, то я, с самого начала и прежде всякого слова, с себя это обвинение снимаю, раз навсегда, с тем, чтоб уж потом об этом и не упоминать особенно. Уж не потому ли обвиняют меня в “ненависти”, что я называю иногда еврея “жидом?” Но, во-первых, я не думал, чтоб это было так обидно, а во-вто-

рых, слово “жид”, сколько помню, я упоминал всегда для обозначения известной идеи: “жид, жидовщина, жидовское царство” и проч.» [Достоевский 1983: 74–75].

В последней фразе, однако, есть некоторая доля лукавства: слово *жид* у Ф.М. Достоевского действительно чаще используется в значении ‘еврей; ростовщик, перекупщик’, тем не менее и случаи употребления в бранной функции, преимущественно в личных письмах, далеко не редки (см. [СЯД 2010: 821–825]). Точно такую же ситуацию, т. е. функционирование слова *жид* в качестве инвективы и не бранного, мы обнаруживаем в текстах Н.С. Лескова, где его общая частота еще выше, чем у Ф.М. Достоевского. Что касается дериватов *жидок*, *жидишка*, и т. п., то они у обоих авторов однозначно пейоративны.

Как показывает приведенный выше список инвектив в романе «Бесы», наиболее частотными являются слова *дурак* (из 383 употреблений во всех текстах полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского 45 приходится на этот роман – см. [СЯД 2010: 628]) и *подлец* (40 из 396 – см. [СЯД, 2017: 710]). Довольно частотны также *мерзавец*, *негодяй* и *сволочь*. Таким образом, слова *дурак* – *подлец* – *мерзавец* – *негодяй* – *сволочь* образуют в романе «Бесы» своеобразный инвективный ряд, на который и приходится основная пейоративная нагрузка, именно этот ряд представляет собой ядро соответствующего текстового семантического поля. При этом, как уже было сказано выше, не рассматриваются многочисленные случаи использования слова *черт* в эвфемистической или междоветной функции, а также сочетания типа *плаксивое идиотство*, которое тоже можно условно отнести к инвективам.

По приблизительным подсчетам, исходя из того, что общее количество слов в романе «Бесы (без учета главы «У Тихона») – 206 015 единиц, бранная лексика, не считая другие полнзначные слова с негативной коннотацией, составляет 0,2 % по отношению к числу знаменательных слов (включая онимы, топонимы и местоимения). Действительно, «поле брани», если использовать очень удачную метафору В.И. Жельвиса; это одновременно и показатель того «эмоционального поля», в котором находился Ф.М. Достоевский в период написания романа.

Определенный интерес с точки зрения характеристики авторского идиостиля представляет собой не только арсенал инвектив и общая частота употребления, но и насыщенность ими узких контекстов. Например:

«– Что за подлость и что за глупость! – позеленел от злости Пётр Степанович. – Я, впрочем, это предчувствовал. Знайте, что вы меня не берёте врасплох. Как хотите, однако. Если б я мог вас заставить силой, то я бы заставил. Вы, впрочем, **подлец**, – всё больше и больше не мог вытерпеть Пётр Степанович. – Вы тогда у нас денег просили и наобещали три короба... Только я всё-таки не выйду без результата, увижу по крайней мере, как вы сами-то себе лоб раскроите <...> Чёрт вас возьми, таких людишек, как вы, на всё хватит! Только не беспокойтесь, я всё предвидел: я не уйду, не раскроив вам черепа из этого револьвера, как **подлецу** Шатову, если вы сами струсите и намерение отложите, чёрт вас дери! | – Мне жаль Шатова, – сказал он, снова останавливаясь пред Петром Степановичем. | – Да ведь и мне жаль, пожалуй, и неужто... | – Молчи, **подлец!** – заревел Кириллов, сделав страшное и недвусмысленное движение, – убью! <...> Я не отложу; я именно теперь хочу умертвить себя: все **подлецы!** | – Ну вот это идея; конечно, все **подлецы**, и так как на свете порядочному человеку мерзко, то... | – Дурак, я тоже такой **подлец**, как ты, как все, а не порядочный. Порядочного нигде не было. | – Наконец-то догадался. Неужели вы до сих пор не понимали, Кириллов, с вашим умом, что все одни и те же, что нет ни лучше, ни хуже, а только умнее и глупее, и что если все **подлецы** (что, впрочем, вздор), то, стало быть, и не должно быть **неподлеца**? | – Вы политический обманщик и интриган, вы хотите свести меня на философию и на восторг и произвести примирение, чтобы разогнать гнев, и, когда помирюсь, упрямить записку, что я убил Шатова. <...> | –

Ну, пусть я такой **подлец**, только в последние минуты не всё ли вам это равно, Кириллов? Ну за что мы ссоримся, скажите, пожалуйста: вы такой человек, а я такой человек, что ж из этого? И оба вдобавок... – **Подлецы**. | – Да, пожалуй и **подлецы**. Ведь вы знаете, что это только слова. <...> | – Поверьте, Кириллов, что я ничего не имею против вас, как человека лично, и всегда... | – Ты **подлец** и ты ложный ум. Но я такой же, как и ты, и застрелю себя, а ты останешься жив. | – То есть вы хотите сказать, что я так низок, что захочу остаться в живых» [Достоевский 1974: 467].

Многочисленные повторы инвективы *подлец* – 12 раз в сравнительно небольшом отрезке текста – одновременно усиливаются употреблением другой бранной и оценочной лексики: *подлость*, *глупость*, *черт вас возьми*, *черт вас дери*, *людишки*, *мерзко*, *дурак*, *обманщик*, *ложный ум*, *низок*. Действительно, как писал сам Ф.М. Достоевский, правда, по несколько иному поводу:

«<...> у нас, в литературе например, за неимением мыслей, бранятся всеми словами разом: приём невозможный, наивный, у первобытных народов лишь замечающийся, но ведь, ей-богу, даже и в этом есть опять нечто почти трогательное: именно эта неопытность, эта детская неумелость даже и выбраться как следует» [Достоевский 1981: 41].

Надо сказать, что *подлец* – одна из самых любимых инвектив писателя, которую мы находим не только в художественных текстах; ср., например, в записной тетради:

«Ибо все западники – есть лишь доживающее поколение помещиков. <...> Оба стыдящиеся **подлеца**. Стыдящийся собственной подлости, но при намерении подлость всё-таки докончить. Что лучше: быть наивным **подлецом** или стыдящимся **подлецом** – что предпочтительнее. Ответ прямой: быть просто **подлецом**. Это из так называемых стыдящихся **подлецов**, через крепостное право разъединившихся с народом» [Дневник писателя 1974: 293].

У Н.С. Лескова в романе «На ножах» «поле брани» еще более насыщенное, инвективы разнообразнее, «изоощреннее», как и употребляемые с ними прилагательные:

дурак, (принципный, препротивный, узколобий) дурак (43); подлец, (ужасный) подлец, подлецы (32); каналья, протоканалья (16); дура, (колоссальная, неестественная) дура (15); негодяй, (закоренелый) негодяй, негодяи (15); разбойник, разбойники (13); дрянь, (кислая) дрянь (12); дурачок, (блажной) дурачок (12); мошенник, мошенники (12); тварь, (бешеная загрубелая, презренная) тварь, (жадные, скаредные, грошковые) твари (11); мерзавец (8); болван (7); злодей, (холодный) злодей, злодеи (7); сволочь, (несытая, принципная, разная) сволочь (7); бездельник, бездельники (5); шут, (отпетый, патентованный гороховый) шут (5); вор, вору (3); жидок, жидки (3); изверг (3); оболститель (3); гадина, гадина (беззубая) (2); капризница (2); нигилисточка (2); сатана (2); скотина, (превредная) скотина (2); аспид; (гадкая) бездельница; бесчувственная; вертопрашные женщины; гадость человек; дурачьё; дурочка, (добрая, совершенная) дурочка, (великодушные) дурочки; душегубы; жиды да поляки; злой пёс; змея; (старый) мешок с деньгами; (ужасная) мошенница; наглец; ненавистный чухонец; неряхи словесные; (гадостный) нигилист; пагубник; поганный реалистик; полячки; (наглый, самонадеянный, злой, коварный) предатель; превредная скотинка; презренное, гадкое насекомое; прощельга; (самый этакий гадостный, мелкий) реалистик; рыхлятина; свињи; скареды; сорванцы; старый чёрт; старый шакал; стрижка-ерыжка; тупица; убийца; (большая) шельма; шишимора; шутиха.

В письмах самого Н.С. Лескова бранная лексика тоже встречается довольно часто, например, в письме А.С. Суворину от 20 марта 1871 г. по поводу идейного содержания романа «На ножах»:

«Вы жмурите глаза, мой уважаемый противумышленник! Вы не свободны и партийны, гораздо более чем я, которого в этом укоряете. Я не мшу нигилизму за клевету **мерзавцев** и даже не соединяю их воедино в моей голове. Я имею в виду одно: преследо-

вание **поганой** страсти приставать к направлениям, не имея их в душе своей, и **паскудить** всё, к чему начнётся это приставание. <...> “Ран”, нанесённых мне **мерзавцами**, клеветавшими на меня, я не чувствую. Поверьте мне в этом! Да и что чувствовать? Неужто у меня нет друзей, или мне заперты двери честных домов, или мне негде помещать моих работ? Боже мой! Какой же вред они мне сделали? Кто же, зная меня, не знает, что я имею право быть назван человеком не глупым и честным? Затем, когда смерть сделает своё дело, всё это получит новое освещение, и стыдно будет не моим детям, а детям тех, кого я по совести называю клеветниками и **подлецами**...» [Лесков, 1958: 297–298].

Ядерный инвективный ряд в тексте романа «На ножах» в чем-то совпадает с тем, что было выделено в «Бесах». Наиболее частотны слова *дурак* и *подлец*, которые сопровождаются инвективами *каналья – дура – негодяй – разбойник – дрянь – дурачок – мошенник – тварь – мерзавец – болван – злодей – сволочь*. Таким образом, текстовое семантическое (инвективное) поле романа Н.С. Лескова является более рассеянным, а выбор инвективы, на первый взгляд, кажется более «свободным».

Нельзя не отметить того факта, что в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», тоже, как и «На ножах» и «Бесы», антинигилистическом, появившемся на 10 лет раньше, из всех этих инвектив встречается только слово *дурак* – 9 раз, причем в основном в речи Базарова.

(2) Существует устойчивое представление о том, что культурные русские люди в XVIII и XIX в. не бранились, что брань, прежде всего матерная, была показателем принадлежности к низшим социальным слоям. По всей видимости, то же можно сказать и о других культурах, не только русской: «У англичан вежливость к нижестоящим считается главным проявлением аристократизма: не ругаться – значит, быть аристократом» [Стернин 2011: 10–14]. Однако данное представление верно лишь отчасти: во-первых, широко известным фактом является использование инвектив, в том числе и обценной лексики, Петром I, Екатериной II, А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым и многими другими представителями аристократического общества; во-вторых, остается не совсем понятным, кого следует отнести к «низшим социальным слоям». Эталоны ругателя отражаются в устойчивых сравнительных оборотах: *ругаться как извозчик (кучер, сапожник)* и в более современных: *ругаться как боцман (матрос, киномеханик, грузчик, прапорщик, милиционер)* – при полной невозможности таких сочетаний, как, например, **ругаться как барин* и маловероятности **ругаться как крестьянин*.

Можно, тем не менее, выдвинуть предположение о том, что частотность употребления инвектив в речи персонажа литературного произведения зависит от его социальной принадлежности и психотипа, а главное – от особенностей языковой личности автора.

Приведем примеры инвектив в речи двух уже упомянутых персонажей-нигилистов в романах «Бесы» и «На ножах» – Петра Верховенского и Павла Горданова, укажем адресаты, на которые направлены инвективы.

Анализ текстов, включающих в себя речь Петра Верховенского показывает, что адресатами ругательств служат Ставрогин (*праздный, шатающийся, дрянной, блудливый, изломанный барчонок; подлец*), Липутин (*мерзавец, подлец*), Лебядкин (*негодяй*), Кириллов (*мерзавец, подлец, сволочь*), Лембке (*колпак*), Федька (*мерзавец, пьяная харя*), народ (*экая дрянь*), человек (*гадкая, трусливая, жестокая, себялюбивая мразь*). Интересно, что среди наиболее частотных *подлецов* оказываются сами нигилисты – Ставрогин, Липутин и Кириллов. *Подлецом* же называют «сторонники» и самого Петра Верховенского:

«– Зато тебе выгодно, как шпиону и **подлецу!** – прокричал ему [П. Верховенскому] в дверях Шатов и вышел совсем» [Достоевский 1974: 318]; [Шатов Эркелю] «Э-эх! Тот **подлец** вас всех надул и бежал» [там же: 438]; [Кириллов] «Признайся, **подлец**, что ты взял револьвер потому, что я застрелю тебя...» [там же: 467]

Помимо Петра Верховенского концентрированно и в какой-то степени навязчиво инвективы (*негодяй* – 3 раза и *мерзавец* – 4 раза) встречаются в репликах губернатора фон Лембке, который по своему статусу и полученному воспитанию, казалось бы, не должен их использовать (отсюда частотное *флибустьеры* в бранном значении):

«– **Негодяй!** – крикнул он [Лембке], указывая на Лямшина. – Схватить **мерзавца**, обернуть... обернуть его ногами... головой... чтоб голова вверху... вверху! <...> Выгнать всех **мерзавцев**, которые смеются! – предписал вдруг Лембке. Толпа загудела и загрохотала. – Этак нельзя, ваше превосходительство. – Публику нельзя ругать-с – Сам **дурак!** – раздался голос откуда-то из угла» [там же: 391].

Кого ругает, принижает словом Павел Горданов? Всё тех же соратников-нигилистов: то ли шута, то ли помешанного Висленёва (*шут, болван, круглый дурак, каналья, бешеная тварь, ненавистный чухонец*), ростовщика Кишенского (*гадина, жидок, каналья, шушера, тварь*) и его сообщницу Алину (*подлецы, свиньи*), Ванскок (*дура*), – и всех их называет *сволочью*:

[Горданов Висленёву] «...кто же в наш век из порядочных людей живёт с жёнами? А зато, – добавил он, схватывая Висленёва за руку, – зато любовь, любовь... В провинциях из лоскутков шьют очень тёплые одеяла... а ты, **каналья**, ведь охотник кутаться!» [Лесков 1994: 37]; [Горданов Ванскок] «Живучи с волками, войте по-волчьи и не пропускайте то, что плывёт в руки. Что вам далось это глупое слово “донос”, все средства хороши, когда они ведут к цели. Волки не церемонятся, режьте их, душийте их, коверкайте их, **подлецов, воров, разбойников и душегубов!**» [там же: 89]; «Всё, что Горданов говорил Висленёву насчёт своей готовности возить на себе своих собственных лошадей, если б они платили, всё это была сущая правда. Два года женатой жизни Висленёва Горданов провёл в неусыпнейших трудах, таская на себе **скотов**, гораздо менее благородных, чем его кони» [там же: 127]; [Горданов Висленёву] «...я вижу вдали и вблизи: от своего великого дела я перехожу к твоему бесконечно маленькому, – потому что оно таково и есть, и ты его сам скоро будешь считать таковым же. Но как тебя эти **жадные, скарედные, грошковые твари** совсем пересилили...» [там же: 122]

Инвектива **мерзавец** в речи Горданова ни разу не встречается, но многократно употребляется как оскорбление в его адрес в речи героев антагонистов – майора Форова, его жены майорши Форовой и Подозёрова:

[Форова] «Ну, да! вот так мы всегда: все скандалов боимся, а **мерзавцы**, подобные Гордашке, этим пользуются» [там же: 199]; [Форов] «**Мерзавцы!** Разве вы не видите, кто на всё способен? ведь за всё, бездельники, берутся, даже уж в спириты лезут: ни от чего отказа, и из всего выходят целы» [там же: 217]; [Форов] «Теперь понимаешь, какой гусь сей **мерзавец** Горданов?» [там же: 271]; [Форова Синтяниной] «Ну, не ожидала, чтобы ты, ты, строгая, чистая женщина, девушкам ночные поцелуи с **мерзавцами** советовала» [там же: 243]; [Подозёров] «Боже! какой страшный **мерзавец** этот Горданов! [там же: 248]; [Подозёров] С ней [Ларисой] нельзя обходиться как со взрослым человеком: её нужно жалеть и беречь... особенно... теперь, когда этот **мерзавец** [Горданов] её так уронил...» [там же: 251]; «– Послушайте! – прошипел Горданов, глядя в горящие глаза Андрея Ивановича. – Вы знаете, с кем шутите? | – Во всяком случае с **мерзавцем**, – спокойно молвил Подозёров» [там же: 183].

Бранное слово *подлец* встречается в романе в разговоре о безличностных, всеобщих подлцах, которые, как и в «Бесах», «все одни и те же... нет ни лучше, ни

хуже, а только умнее и глупее» и объединяются, в конце концов, в неуправляемую «массу несътой сволочи»:

«—А что если бы твои эти слова слышал бы кто-нибудь посторонний? — спросил, щуря глаза и раскачивая ногою, Висленёв. | [Горданов] Что ж: сказал бы, что я **подлец**? | — Наверно. | — И наверно соврал бы; потому что сам точно так же, **подлец**, думает» [там же: 36].

А также при их «классификации»:

[Форов жене] «Ну да, рассказывай! Будто нет богомольных **подлецов**, точно так же, как и **подлецов** не молящихся?» [там же: 260]

При этом интересно, что у нигилистов есть своеобразная шкала, по которой *подлец* оказывается выше *шута* или *дурака*.

[Горданов] «Держись, пожалуйста, умней, мой благородный вождь, иначе ты будешь свешен и смерян здесь в одну неделю, и тебя даже **подлецом** не назовут, а просто нарядят в **шуты** и будут вышучивать!» [там же: 36] [Горданов] «Висленёв — отпетый, патентованный гороховый **шут** и притча во языцех, а я... во всяком случае человек, над которым никто никогда не смеялся...» [там же: 229]

Классификация людей и их ярлыков вообще излюбленная тема и Ф.М. Достоевского, и Н.С. Лескова: достаточно вспомнить *штатных дураков*, *умных дураков* и *глупых умников* Форова или *принципного дурака* и *великодушную дуручку* Бодростиной.

Как мы видим, несмотря на разницу в составе инвектив и частоту их использования, тексты Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова во многом пересекаются, а именно — в психотипе ругающегося персонажа, а также в выборе адресата его ругани. В нигилистическом мире Н.С. Лескова мошенники и убийцы, отрицающие отрицание, все время ищущие наживы, оказываются изолированными от мира «не-подлецов», а потому их ругань оказывается обращена чаще всего на себе подобных. Однако ругаются и те, кто противопоставляет себя нигилистам, в том числе персонажи-женщины. По всей видимости, в этих двух случаях инвективы выполняют разные функции, хотя нечто общее между персонажами есть: и те и другие находятся в пограничном состоянии:

[П. Верховенский Ставрогину] «Нет, эта демократическая **сволочь** с своими пятерками — плохая опора; тут нужна одна великолепная, кумирная, деспотическая воля, опирающаяся на нечто не случайное и вне стоящее...» [Достоевский 1974: 404]; [Форов] «Вы нас победили больше, чем хотели: и установляйте свои порядки, да посчитайтесь-ка теперь с **мерзавцами**, которые в наш след пришли. Вы нас вытравили, да-с; голодом шаршавых нигилистов выморили, но не переделали на свой лад <...> А вон новизна... **сволочь**, как есть **сволочь!**» [Лесков 1994: 455]

(3) Наиболее полно, на наш взгляд, возможные функции инвектив в речи, в основном применительно к обсценной лексике, выделены В.И. Жельвисом (см. [Жельвис, 2001]) и впоследствии прокомментированы И.А. Стерниным (см. [Стернин, 2011]). Некоторые из этих функций (всего их 27), как показывает проведенный выше анализ, соотносятся с теми, в которых используется бранная лексика в романах «Бесы» и «На ножах». Прежде всего, в речи нигилистов, «бесов» (а насыщенность инвективами — одна из наиболее характерных ее черт) обращает на себя внимание употребление инвектив в их прямой функции — оскорбить и унижить собеседника, — пересекающейся с такими функциями, как «средство понижения социального статуса адресата», ««дуэльное» средство», «реализация “элитарности культурной позиции

через ее отрицание”» и «средство вербальной агрессии». Относительно причины высокой насыщенности речи нигилистов в романах Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова инвективами мы готовы выдвинуть довольно смелую гипотезу, состоящую в следующем.

Оскорблять другого склонен в первую очередь тот, кто из себя представляет нечто среднее, кто в чем-то «недо-»: недо-дворянин, например, обедневший дворянин, недо-священник (тот самый семинарист, который, по словам Ф.М. Достоевского, «враг России» [Неизданный Достоевский 1974: 316]), недо-крестьянин (крестьянин, который решил стать кем-то большим) и т. д. В первую очередь невозможность идентифицировать себя с каким-то классом или социальной группой, своеобразная социальная шизофрения, и влечет за собой брань, агрессивность и нервное, часто раздвоенное состояние, создает особый тип языковой личности – Номо Ингеранс («человек ругающийся»). Желание унизить кого-то и тем самым «возвыситься» самому, стремление к разрушению всего – именно такой тип личности и составлял основу нигилистов. К Номо Ингеранс относятся и сами авторы – Ф.М. Достоевский и Н.С. Лесков, которые тоже в определенном смысле «недо-» (достаточно вспомнить хорошо известные факты биографии писателей), что, например, находит отражение в письмах и публицистике. Широкое, сознательное и мотивированное использование инвектив – одна из особенностей их диалекта, проявляющаяся, в частности, при создании типологии художественных образов. Выдвигая данное предположение, мы ни в коем случае не даем никакой оценки, но только констатируем обнаруженный лингвистический факт.

Конечно, данными функциями употребление бранной лексики в текстах Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова не ограничивается. Довольно часто бранная лексика, например слова *дурак* (см. [СЯД 2010: 628–636]), используется персонажами этих авторов при самоуничижении, и в этом случае имеет смысл говорить о своеобразной деинвективации, в междометной, эвфемистической и др. функциях. Рассмотрение таких функций инвектив, выделенных В.И. Жельвисом, как «терапевтическая», т. е. для снятия стресса; «катартическая»; «средство выражения профанного начала, противопоставленного началу сакральному»; «отношение двух к третьему как “козлу отпущения”»; «символ сочувствия угнетенным классам»; «передача оппонента во власть злых сил»; «магическая»; «ощущение власти над “демоном сексуальности”»; «демонстрация половой принадлежности говорящего»; «эсхрологическая»; «патологическое сквернословие»; «деление на разрешенные и неразрешенные группы»; «дружеское подтрунивание или подбадривание»; «криптолалическая», или парольная, служащая для снятия оппозиции свой / чужой, и связанная с ней контактообразующая и некоторые другие мы оставляем в данном случае без внимания по причине абсолютной невозможности их каким-либо образом аргументировать или в силу того, что данные функции относятся исключительно к обсценной лексике.

Изучение инвектив, их функций в художественном тексте может проводиться и по другим направлениям: связь между использованием бранной лексики и богатством словарного запаса, например, в речи персонажа; контекстные ассоциативные связи, в которые вступает бранная лексика, в том числе и «нанизывание» одного бранного слова на другое для создания амплификации, например: «[О плац-майоре Кривцове] Каналья, каких мало, великий варвар, сутяга, пьяница, всё, что только можно представить отвратительного» [Достоевский 1985: 169]; соотносительность с другими стилистическими пластами языка, например

с просторечием или с высоким стилем, как один из способов создания иронии или комического эффекта; игровое употребление бранной лексики; возможность реализации в художественном тексте скрытой внутренней формы бранного слова; эвфемизация бранной лексики и т. д. Это, однако, уже предмет других исследований, выходящих за рамки данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. 518 с.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя за январь-апрель 1876 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 22. Л.: Наука, 1981. 408 с.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя за январь-август 1877 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. 465 с.

Достоевский Ф.М. Письма // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 28, кн. 1. Л.: Наука, 1985. 544 с.

Жельвис В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ладомир, 2001. 348 с.

Карякин Ю.Ф. Достоевский – Лесков («Бесы» и «На ножках»): public.wikireading.ru/97574 (дата обращения: 26.02.2019).

Лесков Н.С. На ножках. М.: Русская книга, 1994. 464 с.

Лесков Н.С. Письма // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 10. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. 594 с.

Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. 727 с.

Ружицкий И.В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: Монография. М.: ЛЕКСПУС, 2015. 543 с.

Ружицкий И.В., Потёмкина Е.В. «Элитарная языковая личность» и бранная лексика (на примере идиолекта Ф.М. Достоевского) // Русская речь. 2018. № 6. С. 29–39.

Стернин И.А. Проблема сквернословия. Воронеж: Истоки, 2011. 21 с.

СД – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 4-е испр. и значительно дополн. изд. под ред. проф. Бодуэна де Куртенэ. Т. I (А–З). СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1912. 1345 стлб.

СЯД 2010 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Г–З) / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2010. 1067 с.

СЯД 2017 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Н–По) / Под ред. Ю.Н. Караулова; науч. ред. И.В. Ружицкий. М.: Азбуковник, 2017. 835 с.

Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 2. М.: Гнозис, 1994. С. 53–128.

Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000. 296 с.

REFERENCES

Dostoevsky F.M. Demons. In: Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Vol. 10. Leningrad. Nauka Publ. 1974. 518 p.

Dostoevsky F.M. Writer's Diary for January-April 1876. In: Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Vol. 22. Leningrad. Nauka Publ. 1981. 408 p.

Dostoevsky F.M. Writer's Diary for January-April 1877. In: Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Vol. 25. Leningrad. Nauka Publ. 1983. 465 p.

Dostoevsky F.M. Letters. In: Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Vol. 28. Book 1. Leningrad. Nauka Publ. 1985. 544 p.

Zhelvis V.I. (2001) The Field of the Swearing: Profanity as a Social Problem in World Languages and Cultures. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow. Ladimir. 348 p.

Karyakin Yu.F. Dostoevsky – Leskov (“Demons” and “At Sword’s Points”). public.wikireading.ru/97574 (data accessed: 26.02.2019).

Khimik V.V. (2000) Poetics of the Profanation, or a Common Language as a Cultural Phenomenon. St.-Petersburg. 296 p.

Leskov N.S. (1994) At Sword’s Points. Moscow. Russkaya Kniga. 464 p.

Leskov N.S. Letters. In: Leskov N.S. Collected Works: In 11 vols. Vol. 10. Moscow. State Publishing House of Fiction 1958. 594 p.

Ruzhitskiy I.V. (2015) Dostoevsky’s Language: Idioglossary, Thesaurus, Eidos: Monograph. Moscow. LEKSRUS. 543 p.

Ruzhitskiy I.V., Potemkina E.V. “Elite Linguistic Personality” and Abusive Vocabulary (on the example of F.M. Dostoevsky’s idiolect). *Russkaya Rech.* 2018. No 6, pp. 29–39.

Sternin I.A. (2011) The Problem of Foul Language. Voronezh. 21 p.

Unpublished Dostoevsky: Notepads and Notebooks 1860–1881. Moscow. Nauka Publ. 1971. 727 p.

Uspenskiy B.A. Mythological Aspect of Russian Expressive Phraseology. In: Uspenskiy B.A. Selected Works. Vol. 2. Moscow. Gnozis Publ. 1994, pp. 53–128.

СД – Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. 4th ed., corrected and greatly suppl. ed. / Ed. by Prof. Baudouin de Courtenay. Vol. I (A–3). St.-Petersburg; Moscow. M.O. Volf Company. 1912. 1345 columns.

СЯД 2010 – Dostoevsky’s Dictionary: Idioglossary (Г–З) / Ed. by Yu.N. Karaulova. Moscow. Azbukovnik Publ. 2010. 1067 p.

СЯД 2017 – Dostoevsky’s Dictionary: Idioglossary (И–По) / Ed. by Yu.N. Karaulova; science ed. by I.V. Ruzhitskiy. Moscow. Azbukovnik Publ. 2017. 835 p.

Сведения об авторах:

Екатерина Владимировна Потёмкина,
канд. пед. наук
преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina V. Potemkina,
PhD
Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
kpisareva@yandex.ru

Игорь Васильевич Ружицкий,
доктор филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Igor V. Ruzhitskiy,
Doctor of Philology
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
konntie@mail.ru